

А.А. Папейко

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова
Могилев, Республика Беларусь

УДК 811.161.1'37

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-89-101

КВАЛИТАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЗНИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Ключевые слова: *концепт; лексический репрезентант; русская поэзия; поэтический дискурс; семантика; квалитативная характеристика; жизнь; М.И. Цветаева.*

Работа направлена на изучение семантики концепта ЖИЗНЬ в русском поэтическом дискурсе. Цель статьи – выявление особенностей смыслового наполнения лексического репрезентанта «жизнь» в рамках группы квалитативной характеристики на материале творчества М.И. Цветаевой.

В исследовании выделяются, подтверждаются примерами и анализируются с точки зрения семантики следующие основные подгруппы квалитативной характеристики жизни: 1) «принадлежность»; 2) «продолжительность»; 3) «соотнесенность с настоящим моментом»; 4) «прямая оценка»; 5) «совместность»; 6) «близость к эталону»; 7) «вкусовые ощущения»; 8) «персонифицированное качество»; 9) «степень достатка, возможности»; 10) «стихия»; 11) «простая – сложная»; 12) «цвет».

Выводы отражают следующие особенности поэтического дискурса М.И. Цветаевой: 1) распространенность квалитативной характеристики и разнообразие секторов образного осмысления жизни; 2) расширение семантики эпитетов за счет взаимодействия с ближайшим контекстом; 3) возможность находиться рядом с объектом любви как показатель качества жизни; 4) смещение смысловых полюсов в рамках оценочной категории «хорошее – плохое»; 5) изменчивость оценки качества жизни в хронологическом плане.

Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской и педагогической деятельности, связанной с изучением русского поэтического дискурса.

Концепт ЖИЗНЬ в силу своей неоспоримой важности для каждого отдельного индивида и общества в целом неоднократно попадал в поле зрения исследователей (в том числе автора данной статьи), выступая при этом как одна из составных частей русской языковой картины мира [Степанов, 2004; Апресян, 1995; Попова, Стернин, 2003; Караулов, 2010; Шмелев, 2002], как член бинарной оппозиции ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ [Пономарева, 2008; Дзюба, 2001; Александрович, 2008; Прохорова, 2018; Папейко, 2023а], как самостоя-

тельный объект изучения [Иванова, 2005; Горшкова, 2015; Руднев, 2010; Смирнова, 2014; Папейко, 2023б]. Многообразие подходов к рассмотрению данной единицы и богатство ее лексико-семантического наполнения, с одной стороны, ведут к накоплению большого количества сведений, а с другой – серьезно затрудняют систематизацию содержательной стороны и установление взаимосвязей с другими наиболее существенными элементами картины мира – *смерть, время, любовь, душа, человек* и др. По этой причине мы решили выработать подход к описанию, учитывающий как формально-грамматическую (частеречную и сочетаемостную), так и смысловую сторону языкового знака – лексического репрезентанта *жизнь* с учетом всех возможных словоформ.

В итоге нами были выделены пять основных групп, в рамках которых мы вели наблюдения за семантикой *жизни*: 1) метафорический перенос наименования (имена существительные); 2) сравнение (имена существительные); 3) качественная характеристика (имена прилагательные); 4) субъект (глаголы); 5) объект (глаголы).

Работа проводилась в рамках диссертационного исследования «Ключевые концепты русского поэтического дискурса XX – начала XXI веков в синхронии и диахронии: семантико-статистическое моделирование», направленного на изучение семантико-статистической организации ключевых концептов русского поэтического дискурса XX – начала XXI веков.

Цель данной статьи – выявление особенностей смыслового наполнения лексического репрезентанта *жизнь* в рамках группы качественной характеристики на материале творчества М.И. Цветаевой.

Качественная характеристика жизни в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой занимает заметное место; в общей сложности нами было отмечено около 40 различных примеров определения жизни, организованных чаще всего по принципу эпитета и затрагивающих как выразительную, так и смысловую сторону текста. Данные примеры с семантической точки зрения группируются следующим образом.

1. «Принадлежность». Сектор указания на принадлежность представлен единицами *не моя, не твоя, наша, собственная*, при этом соотносительность жизни с тем или иным человеком по признаку принадлежности является формальной, отходит на второй план; в то же время актуализируется значение характеристики, выражения отношения, оценки по тому или иному параметру. Так, невозможность находиться рядом с любимым человеком, отдавая ему свою жизнь и ощущая с его стороны взаимное чувство, влечет за собой утрату интереса к собственной жизни, которая в результате воспринимается как нечто чужое, ненужное, не представляющее никакой ценности: *Что до собственной мне жизни? / Не моя, раз не твоя*. В другом примере формальное указание на принадлежность *наша* характеризует окружающую реальность, земную жизнь как условия, совершенно непригодные для жизни человека с чистым, незамут-

ненным внутренним миром, свойственным ребенку. Интересно, что общие законы земного бытия при этом отождествляются с пространством, предлагающим неприемлемые условия, а жизни отдельных людей – с путем в этом пространстве. Важно также, что попытка проложить и пройти «правильный» путь в пространстве земного бытия воспринимается как тщетная, обреченная на провал, так как истинное счастье, предназначение человека находится за его пределами: *Нету путей / Им в нашей жизни. Их счастье, их радость – у Бога.*

2. «Продолжительность». Сегмент продолжительности воплощается посредством качественных маркеров *большая, долгая, мимолетная*, при этом к обозначению собственно продолжительности подключаются иные, дополнительные смысловые оттенки. Так, определение *большая* может быть расшифровано в переносном значении с дополнительной коннотацией оценки, обусловленной контекстуальным подключением подразумеваемых синонимов (например, *возвышенная, содержательная, интересная, важная, красивая* и т. п.): *Звезда над люлькой – и звезда над гробом! / А посредине – голубым сугробом – / Большая жизнь.* Прилагательное *долгая* в контексте обращения со словами пожелания свидетельствует о глубине и силе чувства по отношению к любимому человеку, при этом само чувство может быть воспринято весьма неоднозначно в контексте триады «любовь – верность – измена»: *Долгой жизни, Любовь моя! / Изменяю для новой суженой...* Такая черта жизни, как *мимолетность*, придает ей остроту, ценность, наполняет ее некоторым смыслом, заставляет мириться с ее недостатками и в какой-то степени принимать жизнь независимо от формальной продолжительности: *Странно чувствовать так сильно и так просто / Мимолетность жизни – и свою.*

3. «Соотнесенность с настоящим моментом». Подобно случаю с продолжительностью, качественные маркеры соотнесенности с настоящим моментом времени *будущая, иная, нынешняя* выходят за пределы собственно временной семантики. Например, оппозиция в рамках качественной характеристики «нынешняя – будущая» не столько соотносит понятие жизни с определенным отрезком времени, сколько утверждает возможность двух диаметрально противоположных способов обустройства жизни. При этом наблюдается интересное переплетение и наложение значений по принципу синекдохи внутри рядов «отдельный мальчик – все мальчики – все лица мужского пола – ты» и «отдельная девочка – все девочки – все лица женского пола – я»: *В нынешней жизни – выпало так: / Мальчик поет, а девчонка плачет. / В будущей жизни – любо глядеть! – / Ты будешь плакать, я буду – неть!* Определение *иная*, помимо указания на отличия от текущего положения вещей, текущего образа жизни, свидетельствует о важности чувства в поэтическом видении мира М.И. Цветаевой; так, само наличие человека, к которому формируется исключительное отношение, сильное чувство (любви, привязанности, почитания), способно преобразовать окружающую

реальность, кардинально изменить восприятие жизни, расширить ее границы, сделать жизнь если и не идеальной, то, по крайней мере, приемлемой: *С тобою раздвигались стены / В иную жизнь.*

4. «Прямая оценка». В качестве средства прямой положительной либо отрицательной оценки используются эпитеты *великоленная, дикая, милая, прелестная, хорошая*. Объектом оценки может служить жизнь собеседника, к которому обращается в произведении автор либо лирический герой; жизнь самого автора либо лирического героя; жизнь окружающих людей; жизнь как объективная реальность. Интересно, что в некоторых случаях общеязыковая и контекстуальная семантика языкового знака могут не просто различаться, но даже вступать в отношения полной противоположности (подобная трансформация «положительного» и «отрицательного» отмечается и в других подгруппах качественной характеристики), при этом полюса антонимической пары по смыслу меняются местами и «хорошее» воспринимается как негативное, а «плохое», напротив, как желательное: *Ухитримся-ка, Егор, жить поплоше! / Удавиться нам от жизни хорошей!* Обращает на себя внимание и хронологически обусловленный аспект оценки, что означает изменение восприятия с возрастом, переосмысление с течением времени; при этом знак «плюс» сопровождает начальные этапы жизни с ее свежестью, свободой, понятностью, незамутненностью заботами и тяготами, постепенно переходя в «минус»: *Как жизнь прелестна и проста! – / Нам ровно тридцать лет обеим...*

5. «Совместность». Сема совместности вводится определениями *врозь, разны, рядом*. Выше мы уже отмечали, что одной из главных (если не главной) ценностей жизни в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой является возможность быть рядом с человеком, с которым формируются отношения исключительной и при этом взаимной привязанности, приязни, любви. В связи с этим оппозиция «врозь / вместе» становится средством положительной либо отрицательной оценки жизни, причем полюс «врозь» соответствует оценке отрицательной, а полюс «вместе» – положительной. Легко заметить, что два определения из трех (*врозь, разны*) имеют отрицательную коннотацию в качестве постоянного и неизменного признака жизни, например: *Все врозь у нас: рты и жизни*. Третье определение (*рядом*) в контексте реализует смысл недолговечности близости, означает неизбежность расставания, в результате чего радость от контакта оказывается отравленной, а отношение к жизни предстает как постепенно удаляющееся от положительного: *грустный и большой, / День, когда от жизни рядом / Вся ты оторвешься взглядом / И душой.*

6. «Близость к эталону». Данный сегмент представлен эпитетами *высокая, совершенная*. Помимо значения элитарности, доступности только для избранных, что в рамках поэтического дискурса М.И. Цветаевой трактуется как нечто желательное, положительное, подобная организация жизни включает в себе дополнительные коннотации. Так, *высокая* жизнь требует значительных

внутренних затрат, вызванных противостоянием окружению, и даже нуждается в поддержке: *Птица – Феникс я, только в огне пою! / Поддержите высокую жизнь мою!* Именно высокая жизнь означает право на свободу, на осуществление любых интенций, вплоть до отказа от жизни, добровольного ухода из нее: *В гробу – несравненные руки, / Скрестившиеся самовольно, / И сердце – высокою жизнью / Купившее право – не жить.* Жизнь совершенная неизбежно вступает в антагонистические отношения с жизнью общепринятой, обывательской, которая, в свою очередь, воспринимается как нечто низкое, искаженное, неправильное, далекое от истинного высокого предназначения: *Есть / Здесь, над сбродом кривизн – / Совершенная жизнь...*

7. «Вкусовые ощущения». Сема вкусовых ощущений включает в себя эпитеты *горькая, медовая*. Интересно, что в обоих случаях выражается коннотация отрицательная, однако происходит это двумя различными путями. Так, в случае с эпитетом *горькая* мы видим определение, которое с точки зрения позитивного либо негативного восприятия выражает отношение негативное, и жизнь в данном случае воспринимается как наполненная горем, заботами, тяготами; отметим, что данное значение является ожидаемым и обычно фиксируется толковыми словарями [Ожегов, Шведова, 1997; Кузнецов, 1998; Лопатин, 2011]. Подобным образом характеризуется жизнь как окружающая реальность, слишком тяжелая для чистой детской души (возникает аналогия с рассмотренной выше подгруппой квалитативной характеристики «принадлежность»), враждебная по отношению к ребенку, который нуждается в защите: *Ты вела своих малюток мимо / Горькой жизни помыслов и дел.* Эпитет же *медовая* реализует свою семантику в три этапа: во-первых, сначала вызывает ассоциацию *сладкая* в соответствии со вкусом называемого продукта; во-вторых, формирует первоначальное ожидаемое представление о положительной коннотации (если горькое на подсознательном уровне чаще ассоциируется с плохим, то сладкое ассоциируется с хорошим); в-третьих, за счет контекстуальной связи с сочетанием *пудовые сны* (то есть тяжелые, мучительные, не приносящие ощущения отдыха) диаметрально меняет свою коннотацию на отрицательную: *Как от жизни той медовой / Сны пудовы.* Заметим, что данный случай перемены смысловых полюсов антонимической пары «хороший – плохой» в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой не является единичным; выше мы уже описывали взаимное замещение хорошего и плохого в подгруппе прямой оценки.

8. «Персонифицированное качество». К этой подгруппе мы отнесли прилагательные, характеризующие в первую очередь живое существо, человека: *жадная, крутобровая, молодая*. Приведенные эпитеты характеризуют жизнь с разных сторон и содержат несколько семантических составляющих. *Жадная* описывает жизнь как субъект с определенным внутренним миром, чертами характера, проявляющимися во взаимодействии с другими людьми, по отношению к окружающему миру, причем на первый план выходит отнюдь не значение скупости либо жажды наживы, а неудержимость,

настойчивость в стремлении к удовлетворению каких-либо потребностей. Важно, что названное качество в рамках поэтического дискурса М.И. Цветаевой расценивается как положительное, что напрямую прочитывается благодаря эпитету прямой оценки *милая*; кроме того, жадность в значении неудержимости стремлений, подобно многим другим свойствам и чертам человека, динамически изменяется на протяжении жизни, становится менее выраженной, постепенно угасает, о чем свидетельствует временной маркер *еще*, стоящий в непосредственной постпозиции: *Милая ты жизнь! / Жадная еще!* Эпитет *крутобровая*, апеллируя в первую очередь к внешности, также подключает ассоциативный ряд временного плана, побуждая читателя «до-страивать» художественный образ жизни как молодости, которая со временем безвозвратно уходит – подобно человеку, который уходит навсегда, не оглядываясь на тех, кто остается: *И не оглянется / Жизнь крутобровая!* Прилагательное *молодая*, очевидно служащее для указания на возраст говорящего, тем не менее также расширяет свое семантическое наполнение за счет контекста – показательно, что появление человека, безусловно важного для внутреннего мира повествователя и занимающего в этом мире положение исключительное, человека в какой-то мере идеализированного, происходит именно в молодом возрасте: *Нежный призрак / Рыцарь без укоризны, / Кем ты призван / В мою молодую жизнь?*

9. «Степень достатка, возможности». Данное направление представлено эпитетами *нищая*, *нищенская*, *тесная*, которые, будучи введенными в поэтический текст, расширяют свою образную семантику (о расширении образной семантики слова, усилении экспрессивной окрашенности, развитии символического значения см., например: [Патракеева, 2018]). *Нищая*, по-видимому, означает не столько отсутствие достаточного количества денежных средств, сколько скудость духовного, интеллектуального, чувственного, событийного плана окружающей реальности и, как следствие, вынужденную ограниченность жизни каждого отдельного индивида. Определение *тесная* имеет подобную семантику, только подводит читателя к образу ограниченности жизни посредством апелляции не к финансовой, а к пространственной характеристике. Важно также, что нищая и тесная жизнь выступает в качестве своеобразной лакмусовой бумаги, способной дать объективную картину жизни «без прикрас» – раскрыть истинную суть человека, поставленного в такие условия, когда речь идет уже не столько о жизни, сколько о выживании: *в нищези и тесной / Жизни – «жизнь, как она есть»...*

10. «Стихия». Сектор стихии образован повторяющимися эпитетами *пламенная*, *пылкая*. Показательно, что в обоих случаях задействованной оказывается стихия огня, что побуждает читателя увидеть в художественном образе такие черты, как крайняя сила проявления, возможность выхода из-под контроля, способность причинить вред наряду с благотворным воздействием, излучение света и тепла, заметность на большом расстоянии

и т.п.: *Я трепетала каждой жилкой / Среди безмолвия ночного, / Над жизнью пламенной и пылкой / Держа задумчивый фонарь...* Вообще, обращение к стихии в целом и к огню в частности – явление для русской литературы достаточно характерное; примеры реализации художественных образов жизни и огня в русской поэзии XVIII–XX веков см. также: [Павлович, 2007]. Для нас же сейчас – при рассмотрении семантики *жизни* в сочетании с определениями *пламенная, пылкая* – интересной и важной оказывается и сама структура, строфика произведения. Так, названные эпитеты употреблены в стихотворении «Два исхода», представляющем собой 24-строчный текст из двух частей, при сопоставлении которых становится заметным строфический параллелизм с практически полным повторением лексического наполнения, но несколькими заменами, во-первых, устанавливающими сложные отношения разграничения и общности в рамках оппозиции «Я / Ты» (*С тобой // С тобой; Ко мне // К тебе; Я // Ты*), во-вторых, утверждающими возможность двух диаметрально противоположных вариантов событийной стороны жизни (*то будет снова // не будет снова*).

11. «Простая – сложная». Значение простоты или сложности жизни вводится в поэтический дискурс М.И. Цветаевой определениями *простая, трудная*. Данный сектор оказывается в отношении корреляции с подгруппой прямой оценки, рассмотренной нами выше, причем полюс положительного восприятия (*простая*) является хронологически зависимым от возраста; об этом свидетельствует контекстуальная синонимия определений при описании жизни в молодом возрасте: *Как жизнь прелестна и проста! – / Нам ровно тридцать лет обеим...* Отрицательный же в общепринятом понимании полюс (*трудная*) обусловлен необходимостью скрывать истинные ценности, желания, устремления узкого круга людей от всех остальных, от окружения; эта необходимость сокрытия может быть вызвана рядом причин морального, этического или – на поверхности – социально-политического (о чем свидетельствует контекстуальная синонимия с определением *подпольная*) плана: *Жить нашей жизнью подпольною, трудною / Ты не смогла*.

12. «Цвет». Данный сектор семантики жизни представляют эпитеты *темная, черная*. Заметим, что выражение отношения, оценки, характеристики чего-либо, в том числе жизни, путем указания на цвет в русской литературной и фольклорной традиции сложилось уже давно, о чем свидетельствует активное употребление цветообозначения в устойчивых сочетаниях [Федоров, 1995; Жуков, Жукова, 2015], а также научное изучение его использования в художественном тексте [Кожемякова, 2001; Кулинская, 2002; Онол, 1996; Мерзук, 1997; Папейко, 2010]. Что касается приведенных выше образных определений жизни, то каждое из них, наряду с выражением негативной оценки, подключает важный смысловой пласт. Так, прилагательное *темная*, употребленное для характеристики жизни Степана Разина, наполненной злыми, разбойными, кровавыми событиями, хотя и вызванными стремлением к благу, в контексте

рассматривается как основание для помилования, пощады, освобождения: *Зубья страшные поломаны, / Но за жизнь его за темную / Да за удаль несурзную – / Развяжите Стеньку Разина!* Прилагательное *черная*, характеризующее жизнь в значении окружающей реальности и жизнь самого говорящего как полную тягот, трудностей, испытаний, трагизма, одновременно подчеркивает возможность и даже необходимость противостояния, противодействия негативным жизненным обстоятельствам: *Как жизнь ни черна – не страшусь ее туч, / Тоска тяжела – отрясу ее бремя.*

Заметим, что ряд зафиксированных нами примеров качественной характеристики оказался за пределами описанных подгрупп: *подпольная, последняя, посмертная, преувеличенная*. Вместе с тем данные прилагательные в контексте поэзии Серебряного века в целом и в сопоставлении с другими изучаемыми группами образного осмысления жизни в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой находят соотносительные случаи употребления и реализуют значимые смысловые пласты. Так, определение *подпольная*, кроме описанного выше значения контекстуальной синонимии по отношению к эпитету *трудная*, реализует сему степени открытости для окружающих; при этом отсутствие в жизни возможности открыто выражать свои мысли и чувства, воплощать свои желания и намерения воспринимается как фактор деструктивного воздействия на личность (см. пример с цитатой: *Жить нашей жизнью подпольною, трудною / Ты не смогла*). Определение *последняя* имеет выраженный полисемантический, даже омонимический характер; по этой причине оно в зависимости от читательской установки может быть расшифровано либо в философско-мировоззренческом плане, выступая по отношению к жизни в качестве маркера порядка при счете (то есть одна ли жизнь у человека или он живет не единожды), либо в морально-этическом, реализуя сему качества и отношения (то есть даже самая «никчемная» жизнь представляет собой явление уникальное, достойное уважения, воспевания): *А покамест еще в тенетах / Не увязла – людских кривизн, / Буду брать – труднейшую ноту, / Буду петь – последнюю жизнь!* Прилагательное *посмертная* реализует свою семантику в рамках оппозиции «жизнь – смерть», при этом безусловно более важным представляется не само наличие жизни, а ее качество – вплоть до ухода из жизни как более предпочтительной альтернативы формальному тусклому существованию, которое и означает настоящую смерть, смерть духовную: *Есть взамен пожизненной / Смерти – жизнь посмертная!* Характеристика жизни как *преувеличенной* (реализована существительным *преувеличенность*) затрагивает сему значимости жизни, приобретая тем самым оценочный характер и выражая потенциальную изменчивость в оценке «степени важности» на протяжении жизни: *Преувеличенность жизни / В смертный час.*

Сказанное позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Качественная характеристика жизни занимает в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой заметное место и демонстрирует разнообразие секторов, в рамках которых осуществляется образное осмысление понятия.

2. Включенные в контекст, эпитеты в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой существенно расширяют свою семантику, что приводит к объемности, многоплановости художественного образа и неоднозначности, поливариантности его восприятия.

3. В качестве одной из главных радостей жизни в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой выступает возможность находиться рядом с любимым человеком, установление визуального и тактильного контакта с которым становится насущной необходимостью; утрата такой возможности отождествляется с несчастьем.

4. Поэтический дискурс М.И. Цветаевой отмечен примерами смещения смысловых полюсов в рамках оценочной категории «хорошее – плохое», при этом фиксируются случаи диаметральной перемены значений, в результате чего посредством положительного маркера дается контекстуальная негативная оценка.

5. Для поэтического дискурса М.И. Цветаевой характерна динамика отношения к жизни: субъективная оценка ее качества характеризуется изменчивостью в хронологическом плане, что вызывается естественными и закономерными изменениями в самой жизни, обусловленными возрастом (степень постижения законов окружающего бытия, накопление усталости от противостояния неблагоприятным факторам и др.).

ЛИТЕРАТУРА

Александрович Н.В. Экзистенциально-значимые концепты LIFE / ЖИЗНЬ и DEATH / СМЕРТЬ в оригинале и переводах художественного текста // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 4(11). С. 45–49.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

Большой толковый словарь русского языка: около 130 тыс. слов / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

Горшкова Т.М. Концепт *жизнь* в концептосфере русского фольклора // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Языкознание. 2015. № 2(2). С. 366–370.

Дзюба Е.В. Концепты жизнь и смерть в поэзии М.И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 255 с.

Жуков А.В., Жукова М.Е. Словарь современной русской фразеологии. М.: АСТ-Пресс Книга, 2015. 416 с. (Серия: Словари XXI века.)

Иванова О.А. Концепт *жизнь* в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 225 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Кожемякова Е.А. История формирования прилагательных-цветообозначений в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2001. 28 с.

Кулинская С.В. Цветообозначения: национально-культурные особенности функционирования (на материале фразеологии и художественных текстов русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 251 с.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2011. 928 с. (Библиотека словарей ЭКСМО.)

Мерзук Я. Устойчивые сочетания, включающие цветообозначения, в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1997. 273 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

Онол Э. Цветообозначения в русском языке (с позиции носителя монгольского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 132 с.

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков: в 2 т. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2007.

Папейко А.А. Лексическая реализация концептов *жизнь* и *смерть* в творчестве поэтов Серебряного века: частотная характеристика // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А: Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). 2023а. № 1(61). С. 95–99.

Папейко А.А. Некоторые особенности языковой организации поэтических текстов Александра Макаренкова // А.Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа: сборник статей по материалам докладов и сообщений международной научной конференции (Смоленск, 5–7 октября 2010 года). Смоленск: Смядынь, 2010. С. 177–182.

Папейко А.А. Опыт семантико-статистического моделирования концепта *жизнь* (на материале творчества О.Э. Мандельштама) // Текст. Язык. Человек: сб. науч. тр. / редкол.: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. Мозырь: МГПУ им. И.П. Шамякина, 2023б. С. 88–94.

Патракеева Е.Б. Особенности развития семантики ключевых слов в авторской песне // Международное творческое объединение любителей поэзии, авторской песни и путешествий Пилигримы. URL: <http://pegasus.maxbb.ru/topic396.html> (дата обращения: 23.03.2018).

Пономарева Е.Ю. Концептуальная оппозиция «Жизнь – Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 27 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. 3-е изд. Воронеж, 2003. 192 с.

Прохорова А.В. Биполярность концепта «Жизнь / Смерть» в дискурсивном пространстве ранних рассказов Л. Андреева // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16, № 2. С. 224–241.

Руднев Е.Н. Концепт «жизнь»: анализ и интерпретация // Гуманитарный вектор. Серия: Филологические науки. 2010. № 3(23). С. 101–104.

Смирнова Н.Г. Концепт «жизнь» и концептуальная метафоризация в историческом дискурсе В.О. Ключевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10(40). Ч. II. С. 160–164.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / под ред. А.И. Федорова. М.: Топикал, 1995. 608 с.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.